

ДМИТРИЙ РУМЯНЦЕВ

СТРАДАЮЩЕЕ ЖИВОТНОЕ

ДМИТРИЙ РУМЯНЦЕВ

СТРАДАЮЩЕЕ ЖИВОТНОЕ

Омск 2013

УДК 821.161.1-14
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5
Р86

Румянцев Д. А.

Р86 Страдающее животное. Книга стихов. – Омск, Издательство
ИП С. Б. Загурский 2013. – С. 64.

ISBN 978-5-903118-45-8

В новую книгу Дмитрия Румянцева вошли стихи 2011–2013 гг.

УДК 821.161.1-14
ББК 84(2 Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-903118-45-8

© Румянцев Д.А., 2013

Моей семье

ПРОЛОГ

***

Мал человек, а смерть его огромна:
и Иванов, и Смит, и Магомет
когда-то превратятся в бересклет,
в пастушью сумку, иван-чай и донник...

в туманность Андромеды, в звёздный прах.
И если бы *ничто* уделом было
в конце пути – всё б ничего. Светило
парит во мраке и рождает страх.

Действительно, как страшно! – ей же ей –
стоять один в один перед Вселенной,
с чьей пустотой всех нас исчезновеень
готово уравнивать. А что за ней?

За смертью, за пределом, где звезда
последняя?.. и человек пред тьмою
догадок слеп: нам надлежит душою
пред Светом Бога закрывать глаза.

БАЛЛАДА

Опять по полю кто-то едет,
сшибая ступицей росу
на холм в раздолбанной телеге,
стремясь за окоём. К концу.

Не то, что лес, не то, что волки,
и лошадь, чуя, прёт в намёт.
Но – воздух пристальный и волглый,
и сердце как захолонёт!

Перезабудется причина
пути, захочется – вовне.
Он не везёт зимою сына,
как некогда в «Лесном царе».

Но только курица хлопочет
испугано под пиджаком,
да птица вольная хохочет
над вросшим в пойму ивняком.

Так, не украв и не зарезав,
он всё же хочет зарыдать,
удавку ворота нетрезво
рвануть под благовест дождя.

Как будто жизни есть причина,
как будто сжатая пружина
внутри раскрутиться вьюнком,
и выйдет аленький цветочек,
и снова младшая из дочек,
чей почерк из нетей на почту
летит, обнимется с отцом.

К РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Чужие лекции прочёл
о правде, об искусстве.
И их аттическую соль,
и русский мёд, и уксус,

казалось бы, смешал в своей
омытой новой чаше.
Но тот же лезет сельдерей
и в нашем настоящем.

Вот так мы были – татарва,
а стали – византийцы.
Чужого отблески ума
подсвечивают лица.

И тот же сдвоенный орёл
взирает со штандарта
(под наши споры о *своём*,
под снег, валящий в окоём
от октября до марта).

***

Русский дворник, читавший Страбона
вечерами, ну что тебе мнится
в час, когда на щетину газона
выпал снег? И закрыта страница

«Географии». Слышал ты, юный
скотник где-то во Франции, утром,
за прочтением Юнга ли, Юма
был туристкой российской застукан?

Что ж? Вас сгонят, обреют, погонят
на войну, если бойня случится?
Или писарем в жарком вагоне
у штабных вам дано отсидеться.

И за этим учились и жили? –
двор мели и скотину клеймили?
Чтобы слать по стране похоронки,
утонуть, как в окопе, воронке:

в формулярах, в военной цифири.
Что, такими вас мамы растили?
Что, за этим за каждой строкою
открывалось шоссе за рекою,
уводящее в грёзы и дали,
словно в стих без *морали*?

АТТИЛА ЙОЖЕФ

Вот бунтари, обритые под ёжик,
на корточках с сигарками в больничных
пижамах. И один – Аттила Йожеф.
И нет ни слов, ни взглядов околичных.
На потолке лишь точка ходит смелой
заглавной буквой, или это муха?
Хотя какая муха? – снег горелый,
звезда ль слепая, состоянье ль духа?

Ты замахнулся на святое Слово,
твои стихи, как будто сбор черешен,
кровавят. Разговаривая с Богом,
рискнув – и так, что даже Пешт опешил,
ты заглянул туда, куда не можно,
в зияние Его зрачка свалился,
и повлекли в воронку стропы мозга:
ум помутился.

Отчаянья скупой первопечатник,
в твоём Ничто полно стихов-галактик.
В конце тоннеля – свет, но поезд катит
убить тебя. Бессмертия не хватит,
чтоб видеть, как горит Его хрусталик,
следящий нас. Но сердце – адвокат и
усилие, что крутит этот шарик.

НИЖИНСКИЙ

Вознёсшийся над миром, над толпой
не падай в бездну – не сходи с ума!
Театр военных действий пуст, а твой
театр уж полон: рампа зажжена.

Кузнечик прыткий? Платяная моль? –
кому ещё так рукоплещет зал?
Пройди по кромке света. Но постой, –
усыпан весь помост цветами зла!

Пусть астры те, как на погост, несут,
вот только ими ты не отравись!
Пока ты лезешь в облака, плясун,
других земная сила тянет вниз.

Пусть нежить мира пялит очи, пусть! –
от этой левитации сквозной
она сбежит. Пушкинки долгий путь
несёт тебя над светом и землёй.

Искусство – искус. Укусом для губ
изменника окажется, клянусь!
не будь к себе так судьбоносно-груб:
Нижинский нежный, не танцуй *войну!*

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Над мещанской недолей подняться хотя б на вершок
и пройтись в сапогах по трактиру, по тракту... до моря
иноземного. Что ты слышал, щёголёк-гоголёк,
за туманом: кобылку калмыка да песню помора?

Ври да не завирайся, а впрочем, так видимо лгут,
чтоб сбежать с ненавистных уроков. А было ль когда-то
то, что отрок, слышав *литовку*, проснулся в стогу,
с головою тяжёлой от мыслей о замысле Данта?

Заглядись в небеса, где мелькает Солоха, и где
молодчина-кузнец пролетает у чёрта на вые.
Не маниловской пеночкой свищет беда на дворе –
там сквозит: через дверцу искусства ты выпустил Вяя:

здесь, где мёртвые души строчат за указом указ,
чтоб живые давить, где убит примирительный Пушкин,
пей свой гоголь-магоголь, сквозь время гони ямщика:
за гордыню «пророчеств» расплата, увы, велика,
а слова не горят! – что там *славка* твердит *завирушка*?
И какая ещё обещается нам заварушка?

В ОЖИДАНИИ ПРИКАЗА

В снежки играют мокрые солдаты
за КПП. Суббота. Увольнение.
Слепи снежок асбестовый мохнатый,
как будто головы усекновенье
Предтечи Иоанна. Вьюга кружит,
как Саломея – ворохом слоёным.
И кто-то этим утром занедужит,
но кто-то холод ордена заслужит,
когда в огонь отправят батальоны.

Ну а пока евангельская притча
играется предтечею сраженья.
Кровь снегирей и золото синичье.
И снежный атеизм и вера птичья.
И до приказа, как до воскресенья,
две тыщи лет.

СОЛО

Птица на тоненькой ветке поёт: «Я гибну!»
Нам же мерещатся в этом гимны
Господу. Птичья же музыка означает
то, что тоски эта пигалица не вмещает
больше. И даже птенец, распевая гамму
чувет подкрылками ужас, но знает драму
не до конца, уповая на корм отцовский.
Тот же в отчаяньи – вылитый Хворостовский.

ШАГАЛ

Как только Мовша Хацкелевич Шагалов,
над горницей очнувшись в двух шагах,
с любимой Беллой в небо прошагал,
над колокольной в витебских кварталах
случился дождь, и радуга плыла
за кучевою грядкою капустной.
И был верховный комиссар искусства
доволен, и вращался коленвал
«мотора», развозившего над миром
любowników, застрявших среди туч.
Воистину! – он небо сдал под ключ
всем тем, кто любит. Оставайся пиром,
вечерей тайной Марк-авангардист
для девочек с огромными глазами,
что в небесах стучали каблучками.
Опять любовь! Любовь, как чистый лист.
Он облетит, плодом качнётся гиря
курантов. Вечность колокол пробьёт.
И живописец руку подаёт
с прописанных небес своей Рахили.
И тот, кого недавно полюбили,
в вершке над мостовой домой идёт.
И это – я, и притяженье в мире
упразднено...

СЮР

Как взбалмошный Дали закручивал усы,
так здесь, в деревне, шеи у гусынь
заверчены. А баня вся расселась, –
сбегаю в сад: подёрнут ряской пруд
(как рясою митрополитов пуп),
и за весло чего не зацепилось?!
И облака уходят на Фигерас.

Привет тебе, испанская тоска, –
как Сальвадор, увидев ишака,
издохшего на праздник жирным мухам, –
из детства вынес об искусстве жить
какую-то наверченную жуть,
так я на стихотворство зреньем слуха

гляжу – вот дребезжит велосипед...
стрекочет всё, поёт; и мне вослед
жужжит, свистит, края переполняет,
исходит смертолюбьем бытия.
И я, как жадных рыб на мотыля,
ловлю стихи, которых не бывает.
Быть, иль не быть? – рассудок забывает.
...А рыбина меня переплывает
в пруду. Меж облаков, жуков зевает –
в дуэнде дня...

УРОК ЖИВОПИСИ

Натурщица, адамово ребро,
кровь с молоком, пускай студентик скиснет,
описывая всё твоё добро
по описи: ключицы, пальцы, кисти.

И в зимний день, взята на карандаш,
дрожит от сквозняка, вставая в позу,
стервица. В подмастерьях у мороза
выводит море плоти, чресел кряж
гуашь,
а в волосах – живую розу.

И, растирая краски (интересно:
с каких отпетых шлюх творят мадонн?!),
позволь им быть, и быть как Песнь Песней,
запомни их такими, Аполлон!

Пусть девять муз – опять девятый месяц
для замысла.
Сгоняет за вином
хромой юнец, и ежели воскреснет
наутро, пусть опять – в её объятьях.

ЭСКИЗ

На ужин: хлеб, вино и рыбий хвост, –
живёт в голодной дурноте, в дурмане
нужды. И на салфетке видит гость
расписку Амедео Модильяни.
Но Модильяни вновь грунтует холст.

Но Модильяни покупает кисть [хлыст?] –
гонять чертей, приманенных гашишем
по лестницам [эпитеты] Парижа.
Натурщица, накинув платье, вышла
на новый холст.

И начинает править мастихин
её уход. И густо пахнут спермой
две простыни в углу. И катит Сена
в [такой-то] фильм.

И в этот трюк на белом полотне
болезненная Жанна Эбютерн
несет ему ребенка. Но не слышит
художник плача детского. В себя
он погружён и ценит...[сам себя],
от гордости выходит из себя
и пишет.

И вот пока он мажет и скоблит,
и ставит миру целому на вид
на видном месте свой треножник, позу
меняет всё. И, схаркивая кровь,
ждёт Амедео замысел, как жрёт
плоть огненный эскиз туберкулёза.

ФЕТ

Его сторожило безумье...
Желая судьбу обыграть,
весенней реки полоумье
он силился зарифмовать

с верандой в усадьбе, калиткой,
шмелём на склонённом цветке,
с испуганной уткой, улиткой,
грозой, что прошла вдалеке.

Зарницей своей озаряя
и флигель, и флоксы куртин,
рыдван за осевшем сараем
и хаос у сердца, внутри.

И в небе, где серп-остроумец
да слёзы слепого дождя
летел вверх ногами безумец,
витал в облаках песнопевец,
опоры в себе не найдя.

И только чернильною нитью,
что звуки заносит в тетрадь,
его к бытию Вседержитель
(где куст можжевельника выпил
шум ветра и жалобу выпи)
сумел привязать.

***

Вот и ты, старый друг, обзавёлся «судьбой»: и всерьёз захворал, и жену отпустил вместе с сыном к другому. Так стала чужой та дорога, которой пытался идти

наудачу. Но сбился. Ты помнишь, горит луч на верхнем, девятом, твоём этаже? Ты спустился в киоск, чтобы что-то купить, но обратно, на свет, не вернёшься уже:

бросив денег бродяге, ты первым пойдёшь радиальной улицей в небытие, в автострадный галдёж. И скамейку найдёшь, и на ней остановится сердце твоё.

Где начало рассвета, где дождь моросит, пробудившийся дворник дорожки метёт, сердце, полное к миру ответной любви, и приязнь, и прощение смерти найдёт.

Всех призреет Господь упованьем своим – тех, кто жил, как святой, тех, кто умер бомжом. И успешным окажется выросший сын,

и счастливой жена доживёт до седин,
если ты не забудешь в засмертьи, один,
как душа в этом теле, от горя чужом,
ищет выход.

РАЗРЫВ

Год прошёл с невесёлого дня.
Боль прошла, я очнулся над книгою.
Кем ты будешь, уйдя от меня,
содержанкой, настасьей филипповой?

Кроткой спутницей чьей-то? Да ну! –
в этой душевной души Достоевщине!
Про любовь, как в «Мужчине и женщине»,
ты молила меня в старину.

Ты хотела страстей! Ах, зачем
показное, чужое, заёмное?
Если мы друг для друга, как родина
с кислым дымом над рощей ничьей?

Ты – блудница, и я – идиот,
и не Мышкин, а гадкий и маленький.
И тебя эта сводня и маменька,
жизнь, ещё заберёт в оборот.

Возвращайся в наш маленький ад,
чтоб подняться до света победного –
той, что годы и годы назад
встретил я над рекой (наугад
говорю: заблудившийся Дант) –
беатриче для рыцаря бедного...

СЫНУ. ОТ СЕБЯ

Распад, разлом, разрыв – развод.
Так: слово за слово, и снова
жена, как самка богомола,
сжирает мужа. Сын живёт
с чужим отцом, чужое слово
под дудочку его поёт.

Живешь и давишься виной,
расстрига и антигерой,
такой-сякой, воскресный папа.
И в душном нанятом жилъе
игрушки детские уже
спят в резервации, за шкафом.

Не будет встречен Новый год
совместно, без меня пройдёт
твоё взросленье с верой в чудо.
Лишь иногда подарок свой
с какой-то внутренней тоской
несу и зябну, как Иуда,

что предал маленького бога.
И чёрный сквознячок земной
меж нами ходит, как простуда.
И нет спасенья ниоткуда.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Я незаметно перешёл в «отцы»,
в пустынники, кого дичатся дети
подросшие. Но кто за всё в ответе?
Иван Сергеич? Пушкин? Лао-Цзы?
Иль будущее?

Жареный петух –
страх бытия (небытия) – сегодня
клюёт меня, как в сказке, мутит дух:
я – царь Дадон? А дети – наша сводня
с грядущим шамаханским?

Что, гаврош?

мой нахалёнок, правды – не найдёшь?
Познай себя! Ты сам – мой высший суд
из книжечки Виталия Бианки
(пичужка рая, вроде коноплянки),
за труд

не посчитай убрать меня с пути:
теперь мне время тлеть, тебе цвести.
Рисунок мой, мой жребий, мой чертёж
прими в наследство и сотри, как ластик
(мой визави в контакте, одноклассник,
мой запоздалый внутренний правёж).
Чего ж ты ждёшь?

Но, время позже, на краю земли,
куда ты кинешь рыжий ком суглинка,
встань на меня и уходи тропинкой
знакомою, – я чавкну под ботинком,
ты ж – сына по деталям подбери.

«Дай мудрости ему в поводыри,
чтоб подобрал себе, как искони
Ты – Сына».

СЫНУ

Помню: мама носила тебя и лежала в больнице номер 8 (как знак «бесконечность», что встал на попа). Я тогда приезжал каждый день в те глухие места с передачками к ней: ты до срока пытался явиться в этот мир. Той зимой на карнизе снегирь да синица находили тепло. И палата звенела, пуста.

А потом, возвращаясь домой, ожидая трамвай, я увидел, как сына родители тянут за ворот от путей. Он противился папе: раздавленный голубь захватил его мысли. Отец говорил: «Не зевай: этот голубь уснул». Мне вселенский почудился холод: как тебе я в свой срок объясню зло и смерть? И права

на рождение жизни всем тем, кто, увы, не нашёл смысл её? Разгорались светила Сочельника. Гулко лязгнул, кренясь, трамвай – гильотиной загробного звука, и химеры отчаянья впились в висок: хорошо между вечностей *прежде* и *после* промучиться миг здесь, где бесится Ирод. А рая иного не будет. Потому и кричат при рождении новые люди. Но китайскую грамоту счастья на русский язык переводят порой. Пусть тебя в детских прописях водит та же «звёздочка» за прилежанье в желании жить, что учитель мне ставил когда-то...

В ЦИРКЕ

Мы приходим с детишками нашими
в этот зал гладиаторский, где
дрессировщики – братья Запашные,
где их слушают тигры и лев.
Нарисуй сам себе, словно ЛЕФ,
это время большими гуашами,
красной тушью. И грянула тушь!
Ну, не бойся, мой зайчик, мой маленький,
этот свет, как дошкольную азбуку,
ты когда-нибудь тоже пройдёшь.
А пока замирай, обмирай:
мир – зверинец, где тигры и лошади.
В этом храме, где лампы погашены,
хлопай-смейся на все номера!
Барабанная дробь, точно пульс,
учащённый концертною полночью:
– Папа, я не боялся нисколечко!
– Вот и я за тебя не боюсь!..
Просто в горле комок...
ах, малёк,
королёк
здесь,
где Гог и Магог...

ЗВЕРИНЕЦ

За прутьями районного зверинца
шатается затравленный енот.
Здесь в счёте практикуется зегзица –
кукушка. Или сердце суетится? –
сейчас оно зайдётся, обомрёт.
А жалоба тревожной вещицы птицы
доподлинно исчислит срок земной,
и вдруг она растает над тобой,
нечаянно внутри разговорится
кукушкой нутряной.
Здесь зоосад, здесь маленький ребёнок
к решётке холодеющей прильнул.
И птаху мне внутри перевернул:
он тоже, нашей волей, кукушонок,
и пущен в мир, который близорук
и холоден, как карцер. Что игрушки,
когда внутри такая же кукушка:
ку-ку-ку-ку-тук-тук-тук-тук?
Откроют нам?

ОСЕННЯЯ БАЛЛАДА

В осенних листьях – *жизнь не удалась* –
написано, подсвечено багровым.
Ты отдалилась, светом налилась
и сын, к тебе привязанный суровой
посконной нитью.

Из каких глубин,
с каких чердачных высей голубиных
оборвалась одна из пуповин,
что нас с тобой, когда-то неделимых,
соединяла?

Гули-гули-гу –
ах, воркотня с мелодией соитья!
Пересказать сегодня не могу,
как под ребром болит – сквозит – болит, я

плетусь в больницу к капельницам. И –
я сяду на колёса – нет, не «мазды».
Так влей, сестричка, в потроха мои
то, что изменит свойства протоплазмы,

отменит всё иль переменит всё:
лимфоузлы, планиду и трахею.
Покуда вихрь сентябрьский трясёт
осинник и в траву бросает семя
распада.

Городская карусель
ещё полна плодов, семян – детишек,
но механизм внутри слегка осел
под бликами семейных фотовспышек.

Всё крутится проржавленная ось
(как нам с тобой кружить не привелось
в осеннем вальсе, в мироздании старом),
ещё скрипит, как колесо сансары.

ТАВРИДА ОСЕНЬЮ

Теней и звёзд ночная карусель.
Дыханье ветра с придыханьем моря.
Какой-то катер тарахтит к земле:
кряхтит, плюётся. Мне же – мало горя.
Есть, как сказал поэт, покой и воля.
Лежим, раскинув руки, на спине
с тобою и поврозь на валуне.
И Вероника расправляет косы:
над головой растут, сгорая, звёзды.
Под хруст волной облизанных камней
ты от меня сквозь мрак идёшь ко мне.

.....
.....
Мы разошлись. И разошёлся ветер,
и он теперь совсем один на свете
бежит от валуна до валуна.
Далёкий смех. Покинутые дачи.
Земля и море любятся на брачном,
полночном ложе. В мол стучит волна.
А ты идёшь походкой Береники
в прочитанные книги. Берег дикий,
любовный **треугольник**
полуостров не сводим
к двоим,
что над водой одним носились духом.
Луна дорожкой света делит бухту
на ад и рай, который тоже – Крым.

***

Любви прилипчивое таинство
ещё не жрала катастрофа:
– *Но непременно мы расстанемся,
как «циники» Мариенгофа!*
Война ли разомкнёт любовников,
разлад, тяжёлая планида.
Вот я сижу на подоконнике
с душой солдата-инвалида.
Курю прогорклое, колючее,
молюсь на церковку в Коломне,
и небеса благополучия
ещё не треснули от молний.

МНЕ 37

Ах, Александр Сергеевич, что вы
ведали перед концом за явью
видимой, снявши с неё покровы:
то, что жена оказалась дрянью?
Царь-император – всевластной мразью,
любящей, чтобы ему лизали?
Видя опалы, припомнив казни,
сами порой вы, увы, писали
дичь, верноподданнически склоняясь
перед престолом и грубой силой.
Как вы грешили, молясь и каясь,
в жизни изверившись. Как мечталось
в ночи метели в виду могилы?
Кончено! – или скажу – конечно
жизни биенье. И ждёт наверно
каждого – плаванье чёрной речкой
в 37-м, роковом, расстрельном.
Как, уж заслышав весло Харона,
вовсе не скурвиться и не спиться
здесь, перед музыкой похоронной?
Солнцем, синицей, морозным звоном,
птичьим чириканьем насладиться?

Скажете? – сам я боюсь вчитаться:
голос засмертный боюсь расслышать!
Ветер. За окнами святотатца
что-то большое стоит и дышит.

***

Что ты кружишь по комнате, гений Эйнштейн?
Что ты формулой смелой бумагу мараешь?
У Милевы у Марич темно на душе:
ничего не исправишь!

Вот и сын, и она ждут в пустотах души:
всё покрыло безумье. Планеты по кругу
обращаются, тянутся даже друг к другу.
Мрак – расплата, испод озаренья, скажи?

Так дерзай, раз привык, мысли, если привык! –
как твой разум от формул любви не взорвался? –
ты от мук откупился, от *них* отказался,
показавши язык...

И когда голосит полнолунная ночь
светом совести в бездне сердечной, я знаю,
что не гения я, но себя проклинаяю
(что любимых своих за стихом забываю)
за бессилье помочь, нежеланье помочь,
невозможность помочь...

ПОЭЗИЯ

Говорили: «Духовность!» А что это было, скажи:
если не одержимость, когда не желание власти
над умами? Замыта блевота на старом паласе
после party с английским славистом. Опять миражи
заполняют углы, словно тени Рембрандтовы. Тщась
достучаться до неба, дочь в марте шагнула с балкона.
А они: Капернаум, смиренье, этюды Шопена
с тонким призвуком скорби. А тут бы совсем замолчать,
ополчиться на Слово, вытравливать звуки в себе...
Но опять под дугой *заунывно звенит колокольчик*
вдохновенья (он требует жертвы, как только захочет),
и с гримасой отчаянья пишет посланья к Тебе
безутешная мать. И находит молитву отец –
ту, приличную случаю. И примиряются с болью.
И стремление жить торжествует. Но хватит, довольно
о поэзии сказано.
Дальше – немота.

конец

ОМСК. ВОКРУГ ПЕРВОЙ ЛИНИИ*

Здесь Достоевский мыкал муку,
сходил с ума...

Теперь здесь есть
автобус тихого маршрута –
66-й, везущий друга
в рейс – до палаты № 6.

Кривая, в общем-то, дорога.
Свихнись, начни считать убого –
и Зверя сложится число.
Сюда несчастных занесло,
утративших надежду... Бога?
и человечье естество.

В маршрутах линий на ладони
сечётся линия ума.
Стоят с решётками дома.
Зима белеет на иконе.

И я кривым своим умом,
когда иду здесь волей буден,
припоминаю Горний дом.
Кто первым будет там, кто будет
последним?

---

* В Омске на Первой линии (ул. Куйбышева) находится областная психиатрическая больница

КУ-КУ

Подростший мальчик-идиот,
что кычет в пустоту квартиры,
промямли тихо, где живёт
и причитает умный чибис.
Скажи му-му, скажи бе-бе
и покажи язык собаке,
сыграй ламбаду на губе,
спугни синицу на трубе.
Что жизнь тебе? – пустые враки!
Кто эту кашу заварил?
И то – с тобой не сварить каши.
Вот ты в разодранной калоше
стоишь и нюни распустил.
Ну-ну, не плачь: орехов горсть
возьми из моего кармана,
найди на стройке гнутый гвоздь
и в лужицу кривую брось,
войди в бездумную нирвану,
перескажи, как плачет мама.
Подростший мальчик-инвалид,
скажи по правде, где болит?

***

На закате судьбы за бетонной больничной оградой
у белёной стены, как на выцветшем снимке Брессона,
надо лишь, чтобы ветер тебя по макушке погладил,
и уже ты – ребёнок, а мама любимая – дома

и на кухне хлопочет: вот-вот позовёт пообедать,
по затылку потреплет, сметаной заправит оладьи.
Каплет дождь затяжной. Этой музыки лучше не ведать:
этих плакальщиц-капельниц слушать не надо.

Вот идёт коридором сестричка. И следом, и следом,
как за мамину юбку, цепляются взгляды...

***

Больница спит: лишь стоны, всхрапы, всхлипы.
Уснула медицинская сестра,
как ангел над дежурною молитвой
в журнале. Только смерть не знает сна.

Проснись, сестра! – лети в халате белом
над спящими болящими людьми.
Душою душный воздух обмани,
Светланочка?
Кристиночка?
Анжела?

ДУШНАЯ НОЧЬ. ОТРЫВОК

Друг хлещет горькую и жалуется мне
на безысходность, безразличие, мелкотравье.
А где-то через ночь идут, гремят составы,
и длится жизнь. Но, как давленник, в окне
висит луна. И напряженье нарастает,
и бьётся бабочка о лампочку в огне.

Охрипший, дерганый, друг пробует шутить:
«На сорок градусов спиртного да простуды,
да сорок возраста, плюс сорок пополудни
псалмов не хватит. Там, в сороковом, Давид
в *болезни* Бога звал. И я имею виды
срок у своих сороковин переменить:
прожить сто лет ещё...»

Но ясно вижу я:

ему сейчас, в какой-то миг, изменит голос.
И грубый хаос холостяцкого жилья,
и одиночества весь необжитый космос
прорвутся судорогой боли. Тонкий волос
судьбы несёт его над адом бытия,
но истончается. И чтобы не видать
полночных слёз его, и жалости не выдать,
я выхожу курить с созревшей обидой
на Божий промысел. Действительно, когда
жизнь наша сделалась насмешливой, безвидной,

а я – помочь бессильным? Тёмная вода
забвенья уличного льётся на балкон,
где я стою с собой. Но склеились, как почки
кленовые во мгле чернорабочей,
юнцы с юницами. Движения закон
перемогает всё. А нас он знать не хочет –
мы сушим вёсла. Так? Но подожди, Харон!

Куда ж нам плыть? Уже ни Летой, ни Коцитом
не напугать нас...

Душной ночью не дышишь, не спишь.
Безвоздушие: ни снов, ни надежд.
Под рукою завозится мышь
у дисплея. За словом следишь
и в винительный ставишь падеж
отгремевшее прошлое. Да! –
ни одной запятой не забыл:
ты любимых своих навсегда
так и недолюбил.
И молитву нетвёрдо твердил,
и гордился грехом,
на экран эфемерным парил
мотыльком.
Что ж: в свечении горя сгорай,
если не был горяч, точно страсть,
и геенну в душе наблюдай
посейчас.
Ты любил о любви повторять,
не любя до забвенья себя.
Бог из уст, обещающих рай,
извергал
эту душу, как ер или ять
языка, что одухотворён,
и оставил компьютер сиять
до скончанья времён.

Пальцы мечутся, водят курсор:
опечатки и этак, и так.
И стихи обращаются в сор.
Душно. Мрак.

ИНТЕРНЕТ

Как Льстивый искушал Христа,
возвёл на Храм и молвил: «Иди!» –
даль мониторная пуста.
За ней – туман. И путь невиден.
И в интернет, как в интернат,
мы входим сиротами. Ищем
запас тепла, сердечной пищи
...игры ума, земных усад.
Ворота мира широки,
и только тот, кто не всеяден,
узнает Божьи островки
сквозь этот чёрный свет тоски
и копошенье мерзких гадин.

БОГ ИЗ МАШИНЫ

Технический прогресс не трогает души:
она всё та же, и в ней до сих пор, как будто,
холодная заря, пустые камыши
промзоны, дикий пляж и тёмный блеск мазута.

Я – человек, но я не Божий человек,
пока я до души – из первородной глины.
Я – голем, и слежу за богом из машины,
среди машинерий коротая век.

И до сих пор порой мне, глупому, милей
тьма суеверий: чёрт и чорт-психоанализ.
Но Ты во лбу перстом однажды ставишь Алеф,
и я – не я, а древний иудей

до сердца наг, молюсь об участии святой
на тихом берегу святого Иордана,
куда пришел Иисус, как Deus ex machina,
в одно мгновенье поменявший всё.

***

Ни в небе я Тебя не вижу,
ни на земле не нахожу.
Мешу болотистую жижу,
мешаю ближнему, брюзжу.
Хожу на черную работу
и возвращаюсь под звездой
в свой дом, где кто-то, этот кто-то
опять зовет меня домой.
Не в коридор, в простенок сонный,
не в тела мерзостный сосуд, –
туда, где голос Джона Донна,
влечет, как колокол, на Суд.
Блестит, запутавшись в стропилах
звезда. И знаю я: не гнев,
но помощь нам: что мы не в силах
Тебя узнать, не умерев.

***

Центр мира – здесь, сейчас! – на том стоит
любой творец, как честный *гений места*.

Иначе абсолютно не известно,
как Архимедов принцип приложить –
рычаг его.

А так – иди, валяй,
ваяй себя в живое изваянье.

И не сочти за труд самостоянье,
се – Предстоянье. Этот край – не край
земли, пока повсюду к нам лицом
Господь.

Тут небеса – Буонарроти
(как говорил поэт), и ужас плоти
твоей срезает правильным резцом.

И на детальных вечности полотнах
твой прорисован грифелем портрет –
эскизом в живописной подноготной
провинции, где перспективы нет.

И только крупный план Его бесплотной
задумки...

***

Всё меньше поэтического вымысла,
поэзии космическое здание!
Всё больше быта. Сор в стихах да вывески,
наверное, и выдадут старание,
диспетчерским даны дискантным голосом
и, заданные муторностью опыта,
как проклятые музой гранки опуса,
останутся формально-чистым фокусом

без Логоса, без Аттиса, без Лотоса,
без снятия с Христа шипов страдания.

***

Бес не сболтнёт, и Бог не отзовется:
проклятье это или благодать?
Поэзия, как тайное уродство,
которое приходится скрывать.

Так Пушкину, что ехал до Арзрума,
явился дервиш – бос, полураздет.
«Так вот – мой брат!» – и гений долго думал
и в свете бегал прозвища «поэт».

А в небе голубином и глубинном,
немом, высоком, что тебя – прочтут?
Иль рифмы, точно два горба, даны нам:
доказывай Ему, что не верблюды!

Могилы ли горбатого исправит,
по Слову ли воздастся за слова?
«Живи один, иди противу правил» –
и в подворотне ждёт тебя судьба,

как с точкою, с заточкою. С оплошкой
печатною в катрене о мечте.

А губы перемазаны *морозкой*,
жизнь кончена в кромешной немоте.

КОНЦЕРТ НА ФАБРИКЕ

Вышла тьма чернорабочья, –
так писал Кривулин Виктор
про поездку Блока, точно
на рождественской открытке.

Блок о Боге думал плохо
и в «Двенадцати» ославил.
От стихов его оглохли
все фабричные *крестьяне*,

у кого в мозолях руки
и мазуте непременно.
Там, где цеховые звуки
как мосты вздувают вены.

Где болты, опока, гайки
с ржой от пота – до могилы.
Ни борделя, ни гадалки –
труд и труд. Как пелось мило

про кутилу и угрюмца!
Лишь бы дети шли бы мимо
красоты его бес-путства
и добро не знали криво.

***

Провинциальное лито:
девчонки, парни, шуры-муры...
Мечтают въехать всем гуртом
в историю литературы.

И для филолога-звезды
поэтка в ночь снимает лифчик:
долгой учёные труды,
пусть рифма звонко входит в лимфу!

Нет, он – не Байрон, но, смеясь,
гордясь, она его целует.
И сковородка, накалясь
на кухне, страсть экзаменует,
шипя...

Но стоп: я их люблю,
я сочиняю их, за этим
никто из них не стал поэтом:
не выпил яд, не влез в петлю.

Библиотекарша, доцент.
Живут неброско. А флективность
у русской речи завершилась
детьми, как обещал куплет.

От стирки, глажки, от стряпни
они сбежать хотели в слово,
но быт железный входит снова,
и это – лучшие стихи.

Когда срифмована душа
с материальными вещами,
и пахнет в комнатах борщами,
а сын и дочь тебя встречают
там, у порога, не дыша.

ПИСАНИЕ

Почтальон по душу твою идёт
(извещение тебе несёт).
Мимо пустоши, где замолчал завод,
где сугробы из-под ворот.
В холостом рукаве у него письмо,
и, уродством своим богат,
он смущает свет одиночеством,
холостой почтальон Игнат.
Отворяй ворота: там опять беда?
И *любое* письмо прими.
В нём мороза звон: благовест? Набат?
Он звонит по тебе, звонит!
За заводом – овраг. Там твердит стекло
перебитое
о судьбе
неудавшейся. Ждёшь ли ещё письмо,
причитающееся тебе?

МОЛИТВА

***

Во времени ветшает сам язык.
И «чудного мгновенья» простодушье
смущает ум: ужели это Пушкин?
Все выцвело! Звенит от рифм арык
Бахчисарая и уносит гущу
словесную...

Вот и Кавафис шел
к димотике от норм кафареvусы
в стихах своих. Но, видно, наши музы
не поднимают нас ни на вершок
над бренностью.

Язык мой – враг мой, он
зудит словцом над долею височной:
«Ты весь умрешь! Таков земной закон!»
Так заточи же, Даниил Заточник
моленье, как кинжал, о слове прочном,
способном осветить темницу речи,
где мы живем в косноязычье вечном.
Бог в Слове дан. И это – хорошо!

ТРАКТАТ О НИЧТОЖЕСТВЕ ИЗЯЩНОГО СЛОВОСЛОЖЕНИЯ БЕЗ ЛЮБОМУДРОГО НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ЖИЗНЬЮ

Слово – страсть, игра стихий,
а не труп, лишённый жизни.

Что же я влюблён в стихи
в формалине формализма?

Так Базаров век назад:

«Есть хрусталик, есть сетчатка:
где у барышни в остатке
томный взгляд?»

Только Пушкин, что писал
о «Пьете» Буонарроти,
наблюденье мёртвой плоти
отрицал:

«Гений и злодейство – две
вещи несовместные!»

Впрочем, он и сам в письме
к Алексею Вульффу «чистый
гений» Анны Керн посмел
«вавилонскую блудницей»
обозвать. Ах, что за нрав:
где он, прав?

Так цветы великих книг
вырастают на компосте:
и краплённый черновик –
персть, сукровица и кости.

Тем и люб в своих стихах
тот, кто хоть отчасти вечен, –
в славословье им подмешан

смертный страх:

- Чу, Жуковский!

«Раз под вечер...»

ОХ! и АХ!

К ***

Собака на спине выкусывает блох,
и крутится волчком: то заворчит, то взвизгнет.
Забрешет иногда: то «гав», то «гракх», то «бог».
Ну, кем же ты была из нас в прошедшей жизни?

Я знаю, что того и спрашивать нельзя –
когда бы ты могла, и то б не рассказала:
истопником, судьёй? Раззявой из раззяв?
Я встретился с тобой у Курского вокзала.

Анубису ещё смотрела ты в глаза?
А, может быть, была с разбойником распята.
Когда б я взял тебя, за пазуху бы спрятал,
всё было бы не так, – так Сильвии б сказал

Тед Хьюз. Но я – не он. И так болят, болят
меж рёбер потроха: предсердия, аорта.
Я плююсь в пустоту, и водка или портер
дают забыть её, хотя забыть нельзя

ни капельки любви, что я берёг, берёг.
Ни капли молока ощерившейся суки-
разлуки: - *Что ж: как ты? - Спасибо за науку!*
Собака всё бежит в осеннее распустье.
Собака всё бежит по кромке неба, утром.
И брешет иногда: то «гав», то «гракх», то «бог».

Дойдя до точки, «запятые» дружбы
запойные оставив молодым,
я горю говорю: - Тут нет беды,
что ты ко мне приходишь, как на службу!
- Я слышу речь не мальчика, но мужа, -
оно мне отвечает, – без балды.
Иди домой, неси своё оружие
орущее...

Я подниму опять
сынишку верещащего на руки,
ведь вот и он однажды на поруки
взял жребий мой, поскольку дал начать
жизнь заново – с пустышек и азов,
и с *родничка* на темечке, и с *мамы*...
С святителей? С Григория Палáмы? –
пускай не так. Но в глубине основ
плоть изнутри живит фаворский свет.
Так ангельски мне сын его агукал,
что понял я: для ангела и Духа
возможно всё. У Бога лишних нет,
случайных нет.

Так из пучин греха
достань меня и заключи в *работу*,
как Ты из под огня выводишь роту,
и душу отвращаешь от стиха.
Пусти пропеть три раза петуха,
и пусть никто ни словом, ни на йоту
не отречётся!

Сходит позолота
с церковных риз, но остаётся кто-то
нам неделимой дробью на руках.

ИРТЫШ. НАБЕРЕЖНАЯ

Быть может, здесь Раскольников сидел
на камне, обхватив башку руками,
пока друзья-колодники толкали
тугую баржу в стынущей воде
под крик конвойных. Никогда, нигде
судьба тебя на жизнь не обрекает.

Но надо жить, чтоб до конца испить
раскаянье, чтоб Божьим наказаньем
испытывать себя, как тайным знаньем,
когда терпенье требует любить
страданье.

Наконец-то здесь, в конце
пути пора найти в себе другого –
смиренного библейского Иова,
как родовую память об Отце
Небесном. И у врат небытия
увидеть стадо облачное, словно
жизнь, точно в Книге, повторится снова,
богатство и везение даря.

Как будто, расплатившись за грехи,
по воле Достоевской – в изумленье
проснешься юным в новом поколенье
в толпе друзей у медленной реки.
...Ну а пока на набережной, здесь
бегут машины. И по кромке узкой
на парапете пляшет трясогузка,
как вестница того, что счастье есть.

***

Вот так и просидим за праздничным столом,
беседуя, с рождения до смерти:
о том, что жизнь горчит, а в небе тот же дом:
шумит Эвксинский Понт, в таверне за углом
рицину подают не ангелы, не черти,
а Велес или Пан...

Со сладостной тоской
заходят в порт с утра чужие субмарины.
Плющом увито всё. Блаженство и покой.
«Малина»?

Не так всё, нет, не так: стучит карданный вал,
коррозия в паху у «мазды». Руки в масле.
Хозяин до весны платить не обещал,
а дочери ходить в детсад – в галошах разве?

Опять не так: июль. Отложены дела,
суббота, отпуск ли. Звенит комар над ухом.
Спит на руке жена, что в среду родила
наследника, и он посапывает глухо
у самой стенки. Я? Я – состою из слуха.

Итак: на что же нам глубокая душа?
Концлагерь или рай?

А жизнь, она прекрасна
(порой на самом дне, в мучительных клещах
страдания самого) –
пока она напрасна...

РЫБА

Как тянут рыбью сталь, живую медь
креветок, как в руках трепещет пелядь,
так неизбежно будущее зреет,
так, шутка ли? – Господь идёт сквозь сеть.

Но выбирает невод из воды
греха, и жутко – не попасться в сети,
и труженики – ангелы вот эти
перебирают всполохи плотвы.

Весной придёт Любовь, отступят льды,
и бабочка из живота родится,
как в Индии. И завязь озарится
цветением сирени, лебеды.

У Господа нет лишнего цветка,
пичуги, земноводного и рыбы.
Любой спасённый говорит: «Спаси бо!»
И получает жабры для глотка
воздушного крутого холодка –
из вечности отмеренного мига.

В НИКОЛЬСКОМ СОБОРЕ

Ночь промчалась, день начат молитвою.
Храм – ответ на проклятый вопрос:
у Оранты и у Одигитрии
на груди большеглазый Христос.

Было трудно, но чудо случается,
а о главном пока умолчим.
В каждом сыне замешано таинство,
и однажды сбывается – сын.

Здесь и смерть – музыкальная пауза
в листопадном хорале аллей.
Немота – только глупая кляуза
на бессмертие воли Твоей.

Если мы – слепок света, подобие –
дольный мрак тает в точке свечи.
Хромосомный набор, как мелодия,
и за нами в потомках звучит.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ

«Мал человек, а смерть его огромна...»	4
--	---

ЭСКИЗ

Баллада	5
К русской философии	7
«Русский дворник, читавший Страбона...»	8
Аттила Йожеф	9
Нижинский	10
Николай Васильевич	11
В ожидании приказа	12
Соло	13
Шагал	14
Сюр	15
Урок живописи	16
Эскиз	17
Фет	18

РАЗРЫВ

«Вот и ты, старый друг, обзавёлся «судьбой»...»	19
Разрыв	21
Сыну. От себя	22
Отцы и дети	23
Сыну	24
В цирке	25
Зверинец	26
Осенняя баллада	27
Таврида осенью	29

«Любви прилипчивое таинство...»	30
Мне 37	31
«Что ты кружишь по комнате, гений Эйнштейн?..»	32
Поэзия	33
Омск. Вокруг Первой линии	34
Ку-ку	35
«На закате судьбы за бетонной больничной оградой...»	36
«Больница спит: лишь стоны, всхрапы, всхлипы...»	37

ПРОВИЦИАЛЬНОЕ ЛИТО

Душная ночь. Отрывок	38
«Душной ночью не дышишь, не спишь...»	40
Интернет	41
Бог из машины	42
«Ни в небе я Тебя не вижу...»	43
«Центр мира – здесь, сейчас! – на том стоит...»	44
«Всё меньше поэтического вымысла...»	45
«Бес не сболтнёт, и Бог не отзовётся...»	46
Концерт на фабрике	47
«Провинциальное лито...»	48
Писание	50

МОЛИТВА

«Во времени ветшает сам язык...»	51
Трактат о ничтожестве изящного словосложения без любознательного наблюдения за жизнью	52
К ***	54
«Дойдя до точки, «запаятые» дружбы...»	55
Иртыш. Набережная	56
«Вот так и просидим за праздничным столом...»	57
Рыба	58
В Никольском соборе	59

СТРАНИЦЫ АВТОРА В ИНТЕРНЕТЕ:

В «Журнальном зале»:

<http://magazines.russ.ru/authors/r/drumyantsev/>

На сайте «Омский союз писателей»:

<http://www.srpomsk.ru/86.html>

С автором можно связаться по адресу:

yimmyk@mail.ru

В оформлении использована
картина М. А. Врубеля
«Пан», 1899

Литературно-художественное издание

Дмитрий Анатольевич Румянцев

**СТРАДАЮЩЕЕ
ЖИВОТНОЕ**
Книга стихов

*Редактор Д.К. Исакжанов
Дизайн-вёрстка Е.А. Пичугина
Фото автора А.В. Румянцев*

Подписано в печать 17.11.2013.
Формат 70x100/32. Бумага 90 г/м².
Печать оперативная. Гарнитура Times New Roman.
Тираж 200 экз. Заказ № 396.

Отпечатано в в Копировальном центре «Акцент».
ИП Загурский С.Б.
г. Омск, ул. Лермонтова, 8,
т. 31-12-77, 31-35-75

Дмитрий Анатольевич Румянцев (1974) — поэт.
Окончил философский факультет
Омского педагогического университета
по специальности культурология.

Публиковался в журналах и альманахах: «Арион»,
«День и ночь», «Дети Ра», «Дружба народов», «Звезда»,
«Сибирские огни», «Новая юность», «Юность»,
«Новые писатели», «День поэзии» и многих других,
периодике, интернет-ресурсах.

Лауреат премии им. В.П. Астафьева (2006),
дипломант Международного Волошинского
конкурса (2007), вошел в шорт-лист конкурса
«Заблудившийся трамвай» (2009)
и Бунинской литературной премии (2012).
Член Союза российских писателей.

**ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ
СТИПЕНДИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (2012)**